PS 1/347

Р5 1/347

ПЛАНЪ

НОВАГО АКАДЕМИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ИНОЯЗЫЧНАГО.

2660/13

ЗАПИСКА

И. Х. ПАХМАНА

(съ приложеніемъ замѣтокъ акад. А. А. Шахматова и письма акад. Ф. Ѳ. Фортунатова «О залогахъ русскаго глагола»).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1899.

P5 1/347

ПЛАНЪ

НОВАГО АКАДЕМИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ИНОЯЗЫЧНАГО.

2000
Ц

ЗАПИСКА

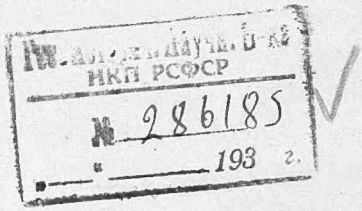
И. Х. ПАХМАНА

(съ приложеніемъ замѣтокъ акад. А. А. Шахматова и письма акад. Ф. Ѳ. Фортунатова «О залогахъ русскаго глагола»).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1899.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Ноябрь 1899 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.



Отдѣльный оттискъ изъ Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. LXVII.

ПЛАНЪ

НОВАГО АКАДЕМИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ИНОЯЗЫЧНАГО.

I.

Читая обширное предисловіе къ I-му тому издаваемаго II-мъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ новаго Словаря Русскаго Языка и видя изъ этого предисловія, какъ заботы объ изданіи хорошаго словаря никогда не покидали двигателей словесной науки у насъ въ Россіи по части родного языка, какъ Отдѣленіе не щадитъ ни труда ни времени и привлекаетъ къ работамъ своимъ лучшія силы, какъ русскія, такъ и заграничныя, лишь бы начатое новое изданіе Словаря отличалось надлежащею полнотою лексикографическихъ свѣдѣній и точностью опредѣленій и объясненій; оглядывая это же изданіе съ внѣшней его стороны и находя, что Отдѣленіе не останавливается также ни предъ какими денежными затратами, лишь бы сдѣлать Словарь и въ этомъ отношеніи безукоризненнымъ,—видя все это, поневолѣ задаешь себѣ вопросъ: изъ-за чего Академія такъ сильно хлопочетъ? Для кого именно она трудится? Точнѣе, на какой кругъ читателей она расчитываетъ? Кому этотъ Словарь нуженъ?

Съ перваго взгляда вопросъ этотъ можетъ показаться праздным; всѣ языки, и древніе и новые, имѣютъ свои детально раз-

работанные словари, слѣдовательно и русскій долженъ имѣть таковой. Совершенно справедливо! Но съ другой стороны вѣрно также и то, что всякое предложеніе вызывается спросомъ; кто же таковой Словарь спрашиваетъ? Насколько я могу судить по одной гимназіи въ Сѣверо-западномъ краѣ, въ которой я лѣтъ пятнадцать тому назадъ состоялъ преподавателемъ, наша учащаяся молодежь и даже ихъ учащіе мало нуждаются въ хорошихъ словаряхъ, такъ-какъ не только ни одинъ ученикъ этой гимназіи, но и многіе учителя тогда не знали о существованіи словаря Даля, и имѣвшійся тамъ экземпляръ его никогда не вынимался изъ библіотечнаго шкафа даже самимъ учителемъ словесности. Тоже самое замѣчается и въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ о словарѣ Даля и понятія не имѣютъ, а если въ какомъ-нибудь уѣздномъ училищѣ онъ и обрѣтается, то онъ въ самомъ шкафу затканъ паутиною и покрытъ пылью, чему я былъ свидѣтелемъ. Если въ такомъ краѣ, гдѣ контингентъ учащихся состоитъ большею частью изъ иноязычныхъ элементовъ, рѣдко кто къ словарю русскаго языка прибѣгаетъ, то какая потребность въ таковомъ словарѣ можетъ существовать въ великороссійскихъ губерніяхъ? Единственные люди, которые обращаются къ словарю, какъ мнѣ кажется,— это сотрудники газетъ и журналовъ, въ редакціи которыхъ съ разныхъ концовъ Россіи стекаются корреспонденціи, содержащія часто разнаго рода провинціализмы, не всѣмъ извѣстные, непонятные и требующіе поэтому разъясненія. Очевидно, что для русскихъ очень-то распинаться нечего; они рѣдко въ Новый Словарь заглядывать будутъ, хотя онъ безспорно долженъ приносить пользу всякому образованному человѣку.

Однако, нуждающихся въ обстоятельномъ, полномъ и всесторонне разработанномъ словарѣ русскаго языка всегда было много въ Россіи и за ея предѣлами, хотя составители словарей существованія ихъ, этихъ нуждающихся, и не подозрѣвали.

Кто будутъ настоящіе и усерднѣйшіе читатели новаго Академическаго Словаря,— на это я уже указалъ Отдѣленію Рус-

скаго Языка и Словесности въ особой, представленной мною въ февралѣ 1897 года запискѣ, въ которой я между прочимъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

Въ нашемъ обширномъ отечествѣ существуетъ нѣсколько десятковъ милліоновъ человѣкъ иноязычныхъ и инородцевъ,— не иностранцевъ, а русскихъ подданныхъ, родной языкъ которыхъ — не русскій, изъ которыхъ многіе милліоны силою обстоятельствъ вынуждены или чувствуютъ себя нравственно обязанными усвоить себѣ языкъ своего отечества, а многія тысячи изъ нихъ даже призываются Правительствомъ обучать этому же языку своихъ единоплеменниковъ, но которые, по многимъ причинамъ, отъ нихъ независящимъ, сами не имѣютъ возможности учиться русскому языку у лучшаго изъ учителей, у жизни, и вынуждены поэтому заимствовать всѣ свои познанія по этой части единственно изъ мертвой книги. Для лицъ этой категоріи, для учителей изъ нѣмцевъ, поляковъ, евреевъ, армянъ, грузиновъ и т. п., вопросъ о хорошемъ словарѣ тоже самое, что вопросъ о хорошемъ орудіи для ремесленника. Вотъ почему во всѣхъ еврейскихъ и нѣмецкихъ начальныхъ училищахъ, располагающихъ какими ни на есть суммами на библіотеку, словарь Даля есть настольная книга, тутъ же въ учительской комнатѣ на всякое востребованіе приготовленная, служа учителю единственнымъ источникомъ, изъ котораго онъ всегда черпаетъ необходимыя свѣдѣнія по части образованія формъ словъ и толкованія ихъ.

Съ выходомъ же въ свѣтъ новаго Академическаго Словаря учителя-иноязычные будутъ уже обращаться къ нему, считая себя даже обязанными ему подчиняться, какъ послѣднему слову науки.

Само собою разумѣется, что для удовлетворенія подобныхъ читателей въ немъ должны быть исправлены всѣ замѣчаемыя въ имѣющихся словаряхъ погрѣшности, пополнены всѣ оставленные въ нихъ пробѣлы и предрѣшены всѣ могущіе возникать вопросы относительно грамматическихъ измѣненій словъ. Сколько въ

этомъ отношеніи уже сдѣлано въ I-мъ томѣ и какія неправильности замѣчены въ немъ однимъ мною,— на это я уже обратилъ вниманіе Отдѣленія. Что же касается II-го тома, нынѣ печатаемаго, то въ немъ дѣло обстоитъ не лучше; въ немъ грамматическія указанія, обязательныя для всякаго словаря, урѣзаны еще больше: залоги глаголовъ никогда прямо не показываются, а иногда только косвенно; спряженія ихъ, гдѣ они сомнительны, вовсе умалчиваются, а гдѣ они всѣмъ извѣстны, какъ разъ отмѣчаются. Противъ такихъ чувствительныхъ недомолвокъ въ словарѣ я неоднократно возставалъ, но Редакція мнѣ отвѣтила, что она рѣшила «залоговъ *«пока»* не обозначать и также не диктовать употребленія словъ, а зарегистрировать только факты языка». Рѣшила,—значитъ возражать уже нечего и надо мириться съ «совершающимся» фактомъ. Но въ предисловіи къ четвертому выпуску Редакція высказываетъ намѣреніе переиздать I-й томъ по образцу II-го, и потому я чувствую себя обязаннымъ еще разъ обратить вниманіе Отдѣленія на принятый имъ планъ новаго своего Словаря и доказать всю его, плана этого, несостоятельность съ точки зрѣнія иностранца и иноязычнаго, приступающаго къ основательному изученію русскаго языка, зная уже другіе языки, новые и особенно древніе. Можетъ быть Академія вниметъ моему голосу и удѣлитъ нѣкоторое вниманіе моимъ указаніямъ.

II.

Размѣщеніе словъ.

Кто читалъ русскія грамматики, составленныя нѣмцами, тому извѣстно, что они, зная своихъ читателей, пріученныхъ къ извѣстнымъ пріемамъ при изученіи ими древнихъ языковъ, излагали для нихъ правила русскаго языка, какъ это сдѣлано въ грамматикахъ латинскаго, греческаго и другихъ языковъ; приступая къ ознакомленію своихъ учащихся, въ большинствѣ слу-

чаевъ уже взрослыхъ, съ какою-нибудь частью рѣчи, иностранные составители русскихъ грамматикъ, гдѣ это только было возможно, напр. при глаголахъ или прилагательныхъ, начинали всегда съ корня слова, на которомъ они строили измѣненія этого слова и производство изъ него другихъ частей рѣчи. Кто знакомъ съ словарями иностранныхъ словъ, составленными нѣмцами въ позднѣйшее время, напр. съ Heyse's Fremdwörterbuch, тотъ знаетъ также, что нѣмецкіе ученые, для легчайшаго пониманія читателями разныхъ барбаризмовъ, группировали всегда сродныя слова по ихъ корнямъ, что придаетъ имъ громадное преимущество передъ тѣми словарями, въ которыхъ однокоренные слова разбросаны по разнымъ страницамъ книги, напр. передъ Fremdwörterbuch Kaltschmidt'a, такъ какъ въ словаряхъ перваго рода можно прослѣдить всѣ развѣтвленія корня и изучить заразъ всѣ производныя отъ него слова, что сильно способствуетъ сохраненію ихъ въ памяти. Такіе словари интересно читать даже безъ потребности въ справкѣ. Да о превосходствѣ корнесловныхъ словарей мнѣ распространяться нечего; это давно уже доказалъ Даль въ предисловіи къ своему словарю, стран. VII, VIII, IX и самою этою книгою! А Даль вѣдь писалъ ее, какъ онъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ Предисловія утверждаетъ, для русскихъ, т. е. для тѣхъ, которые на изучаемомъ языкѣ говорятъ! Въ какой же степени больше нуженъ корнесловный словарь тѣмъ, которые на русскомъ языкѣ въ дѣтствѣ и отрочествѣ своемъ не говорили и, воспитанные на учебникахъ и словаряхъ корнесловныхъ, привыкли при всякой справкѣ доискиваться прежде всего корня слова? Но Редакція Словаря, въ видахъ облегченія читателя при отысканіи имъ словъ, предпочла порядокъ размѣщенія словъ, называемый Далемъ голословнымъ, и, низведши этимъ свой новый Словарь на степень простой справочной книги, лишила его всякаго учебнаго значенія. Заурядnаго читателя, обращающагося къ словарю только за разъясненіемъ одного отдѣльнаго слова, онъ, благодаря обилію приводимыхъ въ немъ примѣровъ, удовлетворять еще можетъ: но настоящій

читатель, учитель, для котораго словарь есть сводъ законовъ измѣненій словъ, имъ въ настоящемъ его видѣ довольствоваться не можетъ. Благодаря разрозненности словъ одного корня, родства ихъ прослѣживать нельзя, несмотря на то, что оно при каждомъ производномъ словѣ отмѣчается, такъ какъ, читая одну статью, нельзя вѣдь знать, что нѣсколькими статьями или страницами раньше или ниже есть ссылки на нее, и если даже нѣсколько сродныхъ статей находятся на одной и той же страницѣ, то вслѣдствіе размѣщенія ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, а не по внутренней ихъ связи, даже трудно въ нихъ оріентироваться. Для примѣра укажу на одинъ рядъ сродныхъ словъ въ новомъ Словарѣ, взятыхъ изъ одного гнѣзда у Даля и такъ раскинутыхъ по отдѣльнымъ статьямъ, что одни и тѣ-же слова только понапрасну повторяются, а читатель въ нихъ только путается:

1. Докатать, см. докатывать.
2. Докататься, см. докатываться.
3. Докатить, см. докачивать.
4. Докатиться, см. докачиваться.
5. Докатывать, см. докатать.
6. Докатываться, см. докататься.
7. Докачать, см. докачивать.
8. Докачаться, см. докачиваться.
9. Докачивать, см. докатить.
10. Докачивать, см. докачать.
11. Докачиваться, см. докатиться.
12. Докачиваться, см. докачаться.

На одной страницѣ цѣлыхъ 12 статей, изъ которыхъ при корнесловномъ порядкѣ, да еще при исправленіи одной ошибки, о которой будетъ говорено ниже, осталось бы всего только двѣ: подъ заглавіемъ: *докатить* и *докачать*!

Какое строгое, съ 1-го взгляда, подраздѣленіе! А между тѣмъ разобраться въ немъ трудно, и сверхъ этого, оно невѣрно. Не-

вѣрны именно соединенія 3, 4, 9 и 11, такъ какъ между *докатить* и *докачивать* ничего общаго нѣтъ: *докатить* относится совсѣмъ къ *докатать* и *докатывать*. *Докатить бревно* (беру примѣры Словаря)—дѣйствіе оконченное, совершенное въ одинъ пріемъ; *докатать бочки* — тоже самое дѣйствіе, также оконченное, но совершенное въ нѣсколько пріемовъ; *докатывать* — тоже дѣйствіе, но неоконченное. Я могъ бы привести еще нѣсколько примѣровъ перепутанности глаголовъ въ новомъ Словарѣ, но я уже разъ обратилъ на нее вниманіе Отдѣленія. Укажу только еще на одно мѣсто въ Словарѣ, какъ на примѣръ положенія лишнихъ статей и повторенія одного и того же объясненія безъ всякой надобности:

1. Журавика — болотная клюква.
2. Журавина — болотная клюква, журавика.
3. Журавиха, болотная клюква, журавика, журавина.
4. Журавица, болотная клюква, журавика, журавина.
5. Журавка, болотная клюква.

При этомъ каждый разъ повторяется: «и. ж. Бот. Oxycoccos palustris Pers.». Кстати замѣчу, что совершенно резонно указывается мѣстность, гдѣ каждое изъ этихъ формъ слышать можно въ народной рѣчи, но безъ всякой надобности приводится также фамилія сообщившаго каждую. Академія уже черезъ чуръ боится заподозрѣванія ея въ сочинительствѣ, точно также, какъ она когда-то подозрѣвала въ этомъ же Даля. Отдѣленіе совсѣмъ упускаетъ изъ виду, что ссылки всегда дѣлаются на сочиненія извѣстныя и въ случаѣ надобности, для справокъ всѣмъ доступныя, чего нельзя сказать о письменныхъ сообщеніяхъ корреспондентовъ Акидеміи.

Что же побудило Редакцію отказаться отъ порядка размѣщенія словъ, рекомендуемаго Далемъ, и возвратиться къ старому порядку? На это мы находимъ въ Предисловіи къ Словарю, стр. VII, два отвѣта. Во 1-хъ Редакція ссылается на авторитетъ Императрицы Екатерины II-й, которая словопроизводный

лексиконъ, изданный Академіей въ 1794 году, нашла почему-то неудобнымъ, а во 2-хъ, Редакція утверждаетъ, что «Всѣмъ обращающимся къ Толковому Словарю Даля извѣстно, какъ подчасъ бываетъ трудно въ этой богатой сокровищницѣ языка отыскать то, что нужно, благодаря крайне неудобному расположенію словъ по гнѣздамъ». Противъ словъ Великой Императрицы спорить не смѣю, тѣмъ болѣе, что тотъ лексиконъ мнѣ неизвѣстенъ; но послѣднее утвержденіе, что въ словарѣ Даля трудно отыскать то, что нужно, я позволю себѣ оспаривать. Я вожусь съ словаремъ Даля уже болѣе 25-ти лѣтъ и не помню того случая, когда нахожденіе какого-либо слова, если оно только въ немъ имѣлось, составляло бы для меня хотя малѣйшее затрудненіе. Всякій, надѣюсь, со мной согласится, что для умѣнія обращаться со словаремъ требуется только небольшой навыкъ, который обрѣтается при первоначальномъ ознакомленіи съ нимъ. Стоитъ только подержать словарь въ рукахъ и перелистывать его разъ-другой, какъ ты уже понялъ планъ его постройки и знаешь уже, какъ по немъ справляться.

Но Редакція новаго Академическаго Словаря отшатнулась отъ корнесловнаго порядка, какъ можно не безъ основанія полагать, и изъ опасенія возникновенія разныхъ сомнѣній при отнесеніи словъ къ тому или другому корню, и, такъ какъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что многія изъ этихъ сомнѣній останутся не разъясненными, то ужъ лучше вовсе ихъ не касаться. Такое опасеніе, кажется, однако, не должно было, по нашему мнѣнію, повліять на выборъ того или другого порядка словоразмѣщенія по слѣдующимъ соображеніямъ:

1. Редакція имѣетъ возможность привлекать къ своимъ работамъ всѣхъ спеціалистовъ, сотрудничающихъ въ существующихъ у насъ въ Воронежѣ, Ревелѣ и Варшавѣ филологическихъ изданіяхъ, посылать свои корректурные листы туда-же, какъ она посылаетъ ихъ къ заграничнымъ ученымъ; и если и послѣ этого происхожденіе нѣсколькихъ десятковъ или даже сотенъ словъ останется неразъяснимымъ, то можно вѣдь при такихъ

словахъ помѣчать: «происхожденіе неизвѣстно», какъ это уже дѣлается теперь при многихъ словахъ въ новомъ Словарѣ.

2. Въ такомъ словарѣ, который предназначается не для спеціалистовъ, точное указаніе первоначала каждаго слова, особенно именъ существительныхъ, вовсе не обязательно, да пожалуй и невозможно. Знать откуда взялись слова, напр. *комната*, *окно*, *зеркало*, *порогъ* и т. п. рѣдкому человѣку интересно. Самое главное, чтобы всѣ виды глаголовъ одного корня да всѣ произведенныя отъ нихъ другія части рѣчи были собраны въ одномъ мѣстѣ, такъ какъ это облегчаетъ, какъ уже выше сказано, изученіе каждаго слова и сохраненіе въ памяти значенія его.

3. Если даже допустимъ, что распредѣленіе многихъ словъ по корнямъ — трудъ неимовѣрный и кропотливый, то вѣдь начало въ этомъ направленіи уже сдѣлано, вѣдь больше, чѣмъ на половину задача эта уже выполнена Далемъ, и хотя онъ въ словопроизводствѣ часто ошибался, такъ что многіе его филологическіе выводы напоминаютъ извѣстный выводъ Lucus a non lucendo, но въ большинствѣ случаевъ онъ вѣдь слова по корнямъ размѣстилъ безошибочно, благодаря сильно врожденному въ немъ филологическому чутью, благодаря широкому обладанію языкомъ, который въ немъ жилъ полною жизнью и жизненность котораго перешла всецѣло въ его Толковый словарь, отъ котораго опять таки и вѣетъ жизнью; — чутье, котораго вмѣстѣ съ особенною, англійскою, такъ сказать, практичностью вполнѣ возмѣстили въ Далѣ недостатокъ спеціальной подготовки.

Замѣчу кстати, что этимъ обстоятельствамъ мы обязаны тою, сравнительно, краткостью, которою Словарь его, при всей его возможной полнотѣ, отличается, — краткостью, дающею возможность обозрѣвать гнѣзда словъ съ птичьяго полета, легко изучить корни со всѣми относящимися къ нимъ производными словами и безъ особаго напряженія выносить изъ чтенія отдѣльныхъ статей словаря кое-что цѣльное, законченное, — достоинства — безсомнѣнно цѣнныя, незамѣнимыя, но отсутствующія въ новомъ Академическомъ Словарѣ. Никто, конечно, не станетъ

порицать редакцію новаго Академическаго Словаря за ея заботу всесторонне разрабатывать каждое слово, доискиваться всевозможныхъ оттѣнковъ его значенія, приводить всѣ встрѣчаемыя въ литературѣ его примѣненія. Но благодаря принятому правилу оправдывать всѣ свои опредѣленія и толкованія документальными данными изъ всей двухвѣковой русской письменности, втискивать въ книгу всѣ безъ исключенія доставляемые ей сотрудниками примѣры и слагать съ себя всякую отвѣтственность за достовѣрность вновь приводимыхъ словъ и ихъ объясненій, — въ одной статьѣ, около одного слова и даже у одного объясненія его, нагромождается столь много однозначащихъ, не отличающихся другъ отъ друга по своему внутреннему смыслу примѣровъ, что отъ сильнаго напряженія вниманія, для улавливанія какого либо оттѣнка значенія, сильно утомляешься и кладешь книгу, не подведши итога прочитанной статьѣ. См. статьи: *Едва*, *Единый*, *Единство* и др.

III.

Пробѣлы въ Словарѣ.

Спряженія во всѣхъ языкахъ причиняютъ грамматикамъ много хлопотъ и поэтому, чтобы читатель словаря въ нихъ, въ спряженіяхъ, не путался, къ словарю прилагается таблица спряженій. Даже залогъ, понятіе о которомъ само собою вытекаетъ изъ значенія дѣйствія, выражаемаго глаголомъ, и тотъ во всѣхъ нѣмецкихъ и французскихъ словаряхъ обозначенъ иниціалами словъ transitiva и intransitiva, verbum activum или verbum neitrum, thätig или unthätig. Словомъ, съ чѣмъ нужно считаться считаются.

Но новая Редакція второго тома почему-то отъ обозначенія залога совсѣмъ отказалась, а спряженія она показываетъ именно тамъ, гдѣ они сами легко напрашиваются на языкъ; въ случаяхъ же сомнительныхъ они совсѣмъ обходятся молчаніемъ.

1. Исключеніе изъ новаго Словаря указанія на залогъ можно объяснить отсутствіемъ твердыхъ, разъ навсегда установленныхъ правилъ, и разногласіемъ имѣющихся по этому вопросу въ ходячихъ учебникахъ грамматическихъ данныхъ, въ которыхъ дѣйствительно нѣтъ возможности оріентироваться. По однимъ, весьма распространеннымъ и во многихъ учебныхъ заведеніяхъ даже къ руководству принятымъ грамматикамъ залоговъ есть пять или шесть: дѣйствительный, возвратный, взаимный, страдательный, общій и средній. Одинъ педагогъ, нынѣ уже покойникъ, разъ авторитетно заявилъ при мнѣ въ классѣ, что основныхъ залоговъ два: дѣйствительный и страдательный.

Между тѣмъ по вопросу о числѣ залоговъ никакихъ споровъ быть не можетъ, такъ какъ залоги не есть выдумка одного какого-либо языка, а понятіе, вытекающее изъ природы самихъ, выраженныхъ глаголами всѣхъ языковъ дѣйствій, которыя по своему характеру бываютъ или переходящія на другой предметъ или не переходящія. Слѣдовательно залоговъ только два: дѣйствительный и средній; всѣ же прочіе такъ называемые залоги, образуемые будто частицею *ся* и причастными окончаніями, — не залоги, а только разныя формы дѣйствительнаго залога, отклоняющія дѣйствіе отъ прямого его перехода на другой предметъ и направляющія его то обратно на дѣйствователя, то отъ одного предмета на другой, или вовсе не дающія дѣйствію никакого ходу. Придерживаясь этого правила, можно безъ всякаго опасенія встрѣтиться когда-либо съ препятствіемъ при отнесеніи глагола къ тому или другому залогу, смѣло ввести въ Словарь и указаніе на залогъ и ставить: при глаголахъ дѣйствительнаго залога — д., какъ это соблюдается въ I томѣ; при глаголахъ средняго залога — ср.; при глаголахъ, перешедшихъ въ средній залогъ изъ дѣйствительнаго посредствомъ *ся* (радоваться, молиться),—также ср.; при другихъ глаголахъ съ частицею *ся*, смотря по смыслу, то — возвр. Ф. д. (т. е. возвратная форма дѣйствительнаго залога) напр. *умываться*; то взаим. Ф. д.

(взаимная форма дѣйствительнаго залога) напр. *драться, ругаться*; то страд. Ф. д. (страдательная форма дѣйствительнаго залога) напр. *это встрѣчается*. Такъ названные общіе глаголы: *смѣяться, бояться* должны быть отнесены къ среднимъ и также отмѣчены— ср. При глаголахъ же, имѣющихъ въ одномъ мѣстѣ значеніе дѣйствительнаго залога, а въ другомъ значеніе средняго, можно ставить особый знакъ ††, подобно тому, какъ это сдѣлано въ первомъ томѣ новаго Словаря.

2. Изученіе спряженій русскихъ глаголовъ, не смотря на то, что Богъ уберегъ послѣднихъ отъ трехъ и болѣе прошедшихъ временъ, двухъ будущихъ и отъ особыхъ формъ для сослагательнаго наклоненія, и что все искусство ихъ измѣненія состоитъ въ правильномъ подставленіи личныхъ окончаній подъ корни глаголовъ и въ соблюденіи легко дающихся урегулированію смягченій послѣднихъ коренныхъ буквъ, — изученіе это всегда трудно давалось людямъ, не говорившимъ въ молодости по русски и неодареннымъ особымъ талантомъ къ легкому усвоенію чужихъ языковъ. Причиною тому были разныя обстоятельства: 1) дѣленіе спряженій во всѣхъ грамматикахъ на правильныя и неправильныя; 2) сокращеніе программы курса этимологіи вообще, въ видахъ облегченія учениковъ, до минимума, такъ что систематическіе учебники этой науки содержатъ въ себѣ ничтожное количество учебнаго матеріала, усваиваемаго учениками среднихъ учебныхъ заведеній въ первые два года, и поэтому изученіе грамматики, какъ отдѣльный предметъ, оканчивается тамъ, съ большими, разумѣется, пробѣлами, во второмъ классѣ. Установившійся, и надо признать, на основаніи довольно вѣрныхъ соображеній, взглядъ на методъ прохожденія, особенно въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, этимологіи, именно, что оно должно быть прежде всего практическое, повелъ къ тому, что многіе учителя стали составлять учебники исключительно методическіе и также «облегчительные», не обременяющіе ни ученика, ни учителя. Во имя этого облегченія составители грамматикъ ограничиваются изложеніемъ только того грамматическаго матеріала,

который уже хорошо разработанъ, а въ области имъ невѣдомыя, неизслѣдованныя, они вовсе не пускаются, закрывая при этомъ глаза на множество существующаго въ грамматикѣ сырого матеріала, который слѣдовало-бы, разработавъ, также распредѣлить въ учебникахъ методически. Все это, вмѣстѣ взятое, имѣло своимъ послѣдствіемъ застой въ разработкѣ этимологіи, въ которой осталось много открытыхъ вопросовъ, ждущихъ своего разрѣшенія. Пишущій эти строки возымѣлъ смѣлость пойти противъ общаго теченія и взялся за составленіе систематическаго учебника одной, правда, главной части русской грамматики, о глаголѣ, — учебника, въ которомъ онъ между прочимъ установилъ, смѣю думать, незыблемые, на составѣ слова основанные законы спряженій, но тѣмъ не менѣе книга эта вышла не безъ погрѣшностей въ спряженіяхъ, особенно въ образованіи формы I-го лица единственнаго числа—главнаго камня преткновенія въ спряженіяхъ производныхъ глаголовъ.

Можно ли послѣ этого винить учителя изъ воспитанниковъ Виленскаго Еврейскаго Учительскаго Института за то, что онъ послѣ десятилѣтней учительской практики на вопросъ: какъ спрягается *гнъздиться*, *опереться*? отвѣчаетъ: *гнъздюсь*, *оперусь*? Удивительно ли послѣ этого, что въ первомъ томѣ новаго Словаря встрѣчаемъ: *Взлысить — взлысю*, вмѣсто *взлышу*, *выметать* (отъ метать) — *выметаю* вмѣсто *вымечу*, *дометаю* вмѣсто *домечу* и т. п.? Ясно такимъ образомъ, какъ день, что указаніе I-го лица единственнаго числа при всѣхъ глаголахъ, (за исключеніемъ развѣ глаголовъ извѣстнаго типа: съ суффиксами видовыми и съ суффиксами *ну*, *ова*), требуетъ себѣ мѣста въ Словарѣ, что сознано составителями Словаря 1847 года и покойнымъ Гротомъ; (3-е же множественнаго числа онъ приводилъ для показанія ударенія въ прочихъ лицахъ). Замѣчу мимоходомъ, что Гротъ, высказавъ разъ въ своихъ «Филологическихъ разысканіяхъ» мнѣніе, что удареніе въ личныхъ формахъ глагола устанавливается въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа, рѣшилъ, вопреки принятому въ прежнемъ Академическомъ словарѣ пра-

вилу показывать послѣ I-го лица единственнаго числа 2-е лицо того же числа, приводить въ новомъ Словарѣ вмѣсто послѣдняго 3-е лицо множественнаго. Но, по моему мнѣнію, утверждать, что о мѣстѣ ударенія во 2 и 3 лицахъ единственнаго... необходимо справляться непремѣнно у 3-го множественнаго числа, равносильно утвержденію, что изъ Петербурга на 1-ю отъ него станцію Колпино можно попасть не иначе, какъ чрезъ шестую отъ него станцію Малую Вишеру).

Въ силу же какихъ соображеній нынѣшняя Редакція Словаря пренебрегла всѣми этими резонами и относится къ вопросу о спряженіяхъ съ какою-то особенною безсистемностью, отмѣчая спряженія безъ опредѣленнаго плана, а такъ, какъ случится, какъ Богъ на душу положитъ?

Въ IV выпускѣ читаемъ, напримѣръ:

1. Еберзить — и́тъ, т. е. указано 3-е единственнаго.
2. Еберзиться — и́шься, — 2-е единственнаго.
3. Еборзи́ть — спряженіе вовсе не показано.
4. Ебулызнуть—у, утъ, какъ въ I томѣ
5. Евангели́зовать,—ую, уютъ,—тоже
6. Еврействовать,—ствую, ствуешь, тоже

} т. е. какъ слѣдуетъ, хотя это излишне: эти спряженія всѣмъ извѣстны.

7. Егозить, и́шь, и́тъ, — 2-е и 3-е единственнаго.
8. Еготáть, чу́, о́чешь, ужъ совсѣмъ какъ слѣдуетъ, какъ въ изданіи словаря 1847 года.
9. Единить, ню́, ня́тъ, опять какъ въ I томѣ.
10. Единиться, и́шься, ятся, 2-е единственнаго и 3-е множественное (цѣлый десятокъ! кажется, довольно будетъ). Ужъ не говоря о томъ, что такая, если возможно такъ выразиться, безправильность неумѣстна въ такомъ серьозномъ трудѣ, долженствующемъ отличаться строгою систематичностью, тутъ еще поражаетъ отсутствіе указанія самаго сомнительнаго изъ всѣхъ лицъ, перваго, какъ разъ тамъ (№№ 1, 2, 3 и 7) гдѣ оно менѣе всего извѣстно. Опущеніе 1-го и 2-го лицъ позволительно только при глаголахъ безличныхъ, употребляющихся только въ 3-мъ лицѣ. Безсистемность эта, по моему крайнему разумѣнію, имѣетъ

одно только объясненіе. Редакція почему-то, какъ уже сказано, приняла за правило на свою отвѣтственность ничего не принимать, а всегда оправдывать приводимыя слова, ихъ формы и даваемыя имъ объясненія литературными данными, или ссылками на сообщенія разныхъ лицъ, и поэтому она включаетъ въ Словарь только тѣ формы, для оправданія которыхъ у нея имѣются примѣры; если же на форму 1-го лица примѣра нѣтъ, то Редакція проходитъ его молчаніемъ и предоставляетъ образованіе этой формы читателю, который, если онъ учитель, этимъ становится чуть ли не въ безвыходное положеніе, когда его ученики требуютъ отъ него категорическаго отвѣта, напр., на вопросъ: какъ сказать: *еборжу*, *еборзу* или *еборзю*? Первая изъ этихъ формъ, кажется, правильнѣе другихъ, но почему же Редакція въ своемъ Словарѣ боится ее высказать? Стало быть, надо говорить *еборзу*, какъ *пронзу*? Допустимъ, что *еборзить*, какъ и многіе другіе глаголы, нашедшіе себѣ мѣсто въ Словарѣ, такъ сказать, глаголъ захолустный, рѣдко встрѣчаемый въ литературѣ, но *егози́ть* и тому подобные распространенные глаголы, со смягчающимися буквами на концѣ корня, вѣдь требуетъ разрѣшенія вопроса о производствѣ или непроизводствѣ смягченія и въ какихъ случаяхъ оно производится, — вопроса, не менѣе важнаго, чѣмъ вопросъ о первомъ или второмъ спряженіи.

На всѣ эти неправильности въ Словарѣ и на вытекающіе изъ нихъ неудобства я неоднократно обращалъ вниманіе Редакціи въ замѣчаніяхъ моихъ на корректурныхъ листахъ, но по сіе время это ни къ чему не повело, и поэтому, надѣюсь, всякій со мною согласится, что такое ничѣмъ не оправдываемое игнорированіе научныхъ интересовъ учащихъ не русской національности, призываемыхъ трудиться въ низшей школѣ, есть по меньшей мѣрѣ большая несправедливость. При настоящей запущенности этимологіи русскаго языка, которую всѣ перестали разрабатывать, какъ самостоятельную науку, при отсутствіи спеціальнаго журнала, который занимался-бы рѣшеніемъ элементарныхъ вопросовъ,

возникающихъ въ школьной практикѣ (наши филологи, какъ извѣстно, витаютъ въ небесахъ, занимаются вопросами высшаго порядка и никто изъ нихъ, кромѣ покойнаго Грота, до сихъ поръ съ филологическихъ своихъ высотъ къ нуждамъ низшей школы еще не опускался),—при настоящемъ положеніи интересующаго насъ дѣла, недостатокъ въ особомъ учрежденіи, къ авторитету котораго можно было бы взывать для рѣшенія грамматическихъ вопросовъ, очень чувствителенъ, и если Академія Наукъ, своею работою по изданію Словаря, случайно, въ кои-то вѣки разъ, незамѣтно для самой себя, очутилась въ роли такового учрежденія и стала лицомъ къ лицу съ этими вопросами, то она, какъ высшая ученая инстанція, по справедливости не должна отъ нихъ отмалчиваться и оставлять открытымъ ни же одного изъ нихъ; въ случаѣ запутанности какого-нибудь вопроса, она можетъ собственною властью пересѣчь его, только съ большею рѣшительностью, чѣмъ это дѣлалъ покойный Гротъ со многими вопросами орѳографическими.

IV.

Факты языка.

Какъ я уже сказалъ выше, Редакція Словаря задала себѣ задачею добыть изъ всей двухвѣковой письменности и изъ устнаго разговора во всѣхъ уголкахъ Россіи всѣ факты языка и ихъ зарегистрировать, не подвергнувъ ихъ никакой оцѣнкѣ, ни же малѣйшей ошлифовкѣ. Послѣднее условіе кажется мнѣ неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ, такъ какъ оно можетъ вести къ недоразумѣніямъ въ языкѣ, а именно, можетъ вводить въ заблужденіе читателя не русской національности, который многія исковерканныя слова, внесенныя въ Словарь въ красную строку безъ исправленія и оговорки, будетъ принимать за литературныя выраженія и заимствовать для уснащенія своей рѣчи. Противъ смѣшенія областныхъ и простонародныхъ словъ съ письменными

приняты, правда, Редакціею мѣры. (См. Предисловіе къ IV выпуску, стр. VII); но неправильныя антиграмматичныя формы встрѣчаются вѣдь и у нашихъ классиковъ, у тонозадавателей языка! Вѣдь все вышедшее изъ-подъ ихъ пера считается образцовымъ, заслуживающимъ подражанія. Неужели всѣ ихъ вольныя и невольныя погрѣшности такъ-таки перейдутъ въ Словарь безъ намека даже на ихъ неправильное образованіе? Вотъ нѣсколько примѣровъ сорвавшихся съ ихъ языка неправильностей, которыя отнюдь не должны быть поднесены начинающимъ писателямъ, какъ образцы:

У Тургенева:

«Пегасъ зачуевалъ добычу за сто саженъ» (Пегасъ) вм. зачуялъ.

«Состарѣли вы меня» (Мѣсяцъ въ деревнѣ), вм. состарили.

«Лицо искаженное, *состарѣнное* фотографіей» (Дымъ). Форма аляповатая, антиграмматичная, тяжелая.

У Салтыкова:

«Свѣтъ *у́зрили*» (т. II, стр. 36) вм. у́зрѣли.

«Мудрость, *скующая* исторія» (т. IV, стр. 245) вм. сковывающая.

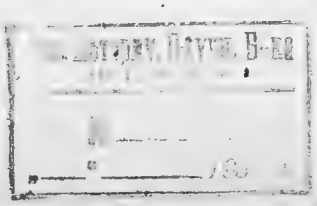
«Салфеткой брюхо себѣ *застелилъ*» (IV, 279), вм. застлалъ.

«Два столкнувшіеся въ лобъ поѣзда желѣзныхъ дорогъ, нечаянно *встрѣчущіеся*» (IV, 316), вм. встрѣчающіеся или встрѣтившіеся.

«Мы остережемся отъ .... поступка, *омрачующаго* нашу совѣсть» (IV, 317) вм. омрачающаго.

«Досугъ ли ему съ инструментомъ *возжаться*? (IV, 462 вм. возиться. Встрѣчается и у Глѣба Успенскаго: возжается или вожжается лошадь возжами или вожжами.

«А батюшка .... хмурилъ брови и началъ даже *разжизаться*», (IV, 528) вм. разжижаться, отъ слова жидкій.



«Какъ бы совсѣмъ въ навозъ не *застрясть*» (599) вм. застрять.

У Гоголя:

«Водка, *настоённая* на золототысячникѣ» (IV, 441), вм. настоянная. Глагола *настоить* нѣтъ, а есть *настоять*.

«Означенная просьба *взыщена* не будетъ» (IV, 456), вм. взыскана.

У Островскаго:

«Попотчивать *бутылочку* лисабончику» (I т., 259), вм. бутылочкою.

«*Никому уважать* не намѣренъ» (I, 259), вм. никого.

«*Я тебѣ жду*» (I, 272) вм. тебя.

«Лошадей взвазживаютъ» (I, 300) вм. взважживаютъ.

У Ал. Толстого: «*Метется* сердце непокорно» Іоаннъ Дам. вм. мечется.

Спору нѣтъ, что въ сочиненіяхъ этихъ же писателей, да и у другихъ знаменитыхъ корифеевъ языка при внимательномъ чтеніи окажется еще не мало подобныхъ противныхъ духу языка словообразованій, могущихъ быть объяснены только поэтическою вольностью, игнорированіемъ грамматики, рамками которой не хотятъ стѣсняться пріобрѣвшіе литературную извѣстность сочинители, считая самихъ себя законодателями языка. Если еще принять во вниманіе, что у нашихъ бытописателей есть множество словъ, простымъ народомъ перековерканныхъ и изобрѣтенныхъ изъ одного желанія иной разъ пощегольнуть своимъ краснорѣчіемъ,— словъ, которыми богатъ лексиконъ напр. свахи Красавиной (у Островскаго) съ ея «дилехторъ, хлигеръ, манируетъ, пленируетъ» и тому подобными прелестями;— если подумаешь, что всѣ эти перлы, какъ факты языка, найдутъ себѣ мѣсто въ Словарѣ въ назиданіе учащемуся поколѣнію, причемъ никто даже не заикнется, что всѣ эти словесные уроды не болѣе, какъ

порожденіе произвола или невѣжества, какъ сорная трава, выросшая на широкой, золотистой нивѣ русской письменности, заслуживающая только быть вырванной и выброшенной, — если все это сообразить, то поневолѣ начинаешь задаваться разными вопросами, привести которые считаю неудобнымъ и среди которыхъ самый скромный будетъ: кому нуженъ этотъ балластъ? Кому нужна эта груда необработаннаго матеріала?... Кто его станетъ разбирать, если сама Академія не желаетъ до него дотронуться?

Противъ своей воли я вынужденъ тутъ повторить уже высказанное мною въ другомъ мѣстѣ. Не санкціонировать всѣ такія Licentia poetica образцовыхъ писателей и произведенія народной фантазіи — задача Академіи, а строго оцѣнивать ихъ и, въ случаѣ не выдержанія ими критики, осудивъ ихъ, изъять изъ обращенія, какъ фальшивую монету.

V.

Основной видъ глагола.

Выше я имѣлъ уже случай указать, какъ Редакція перваго тома смѣшала произведенные отъ разнозначащихъ простыхъ глаголовъ *катить* и *качать* предложные глаголы и какъ она неправильно произвела отъ *докачивать* видъ *докатить*. Еще въ другомъ мѣстѣ я обратилъ вниманіе II-го Отдѣленія на шаткость, обнаруженную тою же Редакціею при производствѣ совершеннаго вида отъ *взирать* и *взираться*, какъ изъ перваго она ошибочно вывела *воззрѣть*, а отъ второго никакого вида не образовала, не смотря на существованіе глагола *возрѣться*. Откуда такіе явные недосмотры? На этотъ вопросъ можно дать только одинъ отвѣтъ. Въ сокращенныхъ, въ видахъ облегченія учениковъ, русскихъ грамматикахъ для среднихъ учебныхъ заведеній не достаетъ цѣлой главы — объ образованіи глагольныхъ видовъ. Если бы въ программы русскаго языка, по

крайней мѣрѣ въ курсъ старшихъ классовъ, вошло и изученіе той части курса русской грамматики, которая составляетъ естественное и необходимое продолженіе статьи о корняхъ, проходимой нынѣ въ низшихъ классахъ безъ всякаго примѣненія къ дѣлу, къ словообразованію, то преподаватели русскаго языка и словесности удѣляли бы большее вниманіе главѣ о глаголѣ и поневолѣ обращались бы къ серьознымъ трудамъ по русской грамматикѣ, напр. къ книгѣ Стоюника: «Высшій курсъ русскаго языка», въ которой показаны переходы видовыхъ степеней изъ низшихъ въ высшія, посредствомъ расширенія глагольныхъ окончаній, и обратно. Тогда при дальнѣйшей разработкѣ этой части грамматики мы встрѣчали бы въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія среди множества одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ руководствъ по древнимъ языкамъ и такіе учебники по русской грамматикѣ, въ которыхъ было бы наглядно представлено развитіе глагольныхъ видовъ отъ вида, ближайшаго къ корню, до вида, болѣе усложненнаго суффиксами. Тогда, принимая при изученіи производства видовъ за исходную точку корень глагола, узнали бы, что между производными глаголами со смягчающеюся буквою на концѣ корня есть такіе, которые, имѣютъ одно только расширеніе окончанія, со смягченіемъ (*дробить — раздроблять, сидѣть — сиживать, крутить — кручивать, просить — прашивать*), и такіе, которые имѣютъ два расширенія: 1) оба мягкія (*любить, влюбляться, долюбливать*); 2) одно твердое, а другое мягкое (*рубить — подрубать, дорубливать*) и 3) оба твердыя (*бросить — бросать — брасывать, глядѣть — соглядать — заглядывать, хватить — хватать — хватывать*) и что глаголъ *катить* принадлежитъ къ послѣдней категоріи и расширяется: *катать, катывать*, а не *качивать*. Тогда воочію увидѣли бы еще и то, что начальный видъ глагола не есть всегда несовершенный, отъ котораго всегда будто бы образуется совершенный; что это вѣрно только отчасти, а именно при глаголахъ простыхъ, не предложныхъ, въ которыхъ дѣйствительно отъ несовершеннаго вида напр. *писать, дѣлать*,

катить и т. п. образуется ихъ совершенный посредствомъ приставокъ: *написать*, *обдѣлать*, *закатить*. Но утверждать въ то же время, что эти же самые глаголы совершеннаго вида, потому только, что они предложные, произведены также отъ предложныхъ *написывать*, *обдѣлывать*, *закатывать* или *закачивать*, — есть большая несообразность. На этой ложной точкѣ зрѣнія стояла Редакція Академическаго Словаря изданія 1847 года, стоялъ Даль и стала также Редакція новаго Словаря (Предисловіе къ I тому, стр. IX). Правда, тамъ сказано только, что рядомъ съ несовершеннымъ *указывается* совершенный, но изъ текста книги, гдѣ говорится: *дать* смотри *давать*, *вздуть* см. *вздувать*, *возвеличить* см. *возвеличивать* и т. д., а не наоборотъ: *давать*, см. *дать*, *вздувать* см. *вздуть*..., видно, что основные виды производятся отъ производныхъ. Отсюда такіе путанницы, образчики которыхъ приведены выше. Отъ предложнаго глагола несовершеннаго вида *докачивать* требуется образовать совершенный; извольте! можно даже два: *докачать* и *докатить* (вѣдь говорится же де отъ «*довинчивать*» — довинтить), хотя второе невѣрно, т. е. *докачивать* относится къ качанію жидкости насосомъ или качанію на качеляхъ, а *докатить* — совсѣмъ къ движенію кувыркомъ круглаго предмета. А у Даля вѣдь эти два глагола *докатывать* и *докачивать* показаны въ двухъ особыхъ, ничего общаго не имѣющихъ статьяхъ! Насколько это, ни на чемъ не основанное правило производить въ глаголахъ предложныхъ совершенный видъ отъ несовершеннаго сбиваетъ людей съ толку, можно еще видѣть и изъ слѣдующаго примѣра: У Даля читаемъ: «*Разбраживаться, разбрестись* или *разбресться* (ошибочно *разбредаться* у писателей)». Послѣдній глаголъ онъ принялъ за совершенный видъ, образованный, по общепринятому убѣжденію, отъ несовершеннаго *разбраживаться*. Это двойная фальшь. Во 1-хъ, *разбредаться* — несовершеннаго совсѣмъ вида. «*Покуда разбредался весь этотъ ... народъ, покуда онъ пристраивался*... Гл. Успенскій, т. II, стр. 8... *Заставляетъ скотину разбредаться, терять дорогу, блудить*», тамъ же,

стр. 108. Во 2-хъ, стоитъ только начать съ корня слова и окажется, что *разбредаться* самаго правильнаго образованія. Почти всѣ первообразные глаголы расширяются посредствомъ суффикса *а*, между прочимъ и много первообразныхъ съ буквою *д* на концѣ корня: *бости* — *бодать*, *пасть* — *падать*, *сѣсть* — *засѣдать*, слѣдовательно *разбрестись* — *разбредаться*.

Поэтому, въ предупрежденіе повторенія въ будущемъ такихъ ошибокъ и для постановки дѣла вообще на болѣе незыблемую почву, я осмѣлился бы посовѣтовать Редакціи Словаря отказаться отъ того фальшиваго взгляда, что основной изъ всѣхъ глагольныхъ видовъ есть несовершенный, и принять за правило, что начальный, исходный видъ долженъ быть опредѣленъ во всѣхъ глаголахъ, какъ простыхъ, такъ и предложныхъ, на основаніи ихъ коренного состава въ связи съ выражаемою глаголомъ степенью продолжительности дѣйствія, но безъ всякой зависимости отъ значенія оконченности или неоконченности послѣдняго. Согласно съ этимъ положеніемъ основнымъ видомъ будетъ: въ глаголахъ производныхъ — корень глагола, основной его суффиксъ, съ которымъ онъ выражаетъ самую меньшую продолжительность дѣйствія[1]), и отличительное окончаніе *ть*, а въ первообразныхъ — корень и это же окончаніе, и въ обоихъ случаяхъ безъ всякаго отношенія къ тому, имѣетъ ли глаголъ приставку или нѣтъ. Такимъ образомъ: *хватить* или *выхватить*, *писать* или *списать*, *дать* или *выдать*... будутъ начальные виды, а *хватать* — *хватывать* или *схватывать*, *писывать* или *описывать*, *давать* или *сдавать* и т. д. — это ужъ дальнѣйшіе ихъ виды, это расширенныя ихъ окончанія, съ которыми они выражаютъ большую продолжительность дѣйствія, — какую? — на это долженъ отвѣчать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Словарь.

---

1) Есть глаголы, которые съ основнымъ окончаніемъ выражаютъ дѣйствіе однократное: *хватить*, *воротить*, *дать*..., и есть такіе, которые съ этимъ же окончаніемъ выражаютъ дѣйствіе неопредѣленной продолжительности: *писать*, *крутить*, *ходить*. См. мою книгу «Русскіе Глаголы» §§ 20, 25 и таблицы видовъ.

Еще раньше (гл. II) я позволилъ себѣ посовѣтовать Редакціи также ввести у себя Далевскій порядокъ словорасположенія, который, какъ извѣстно, требуетъ только собираніе всѣхъ словъ одного корня въ одномъ гнѣздѣ, точнѣе говоря — всѣхъ другихъ частей рѣчи у того глагола, отъ котораго они произведены. Поэтому я полагалъ-бы, что въ случаѣ переизданія перваго тома и удостоенія этого моего совѣта благосклоннымъ вниманіемъ, слѣдуетъ сдѣлать въ этомъ словорасположеніи одно только измѣненіе: группировать всѣ однокоренные слова, произведенныя отъ глаголовъ предложныхъ, не у несовершеннаго вида съ расширеннымъ окончаніемъ, а у совершеннаго вида съ основнымъ окончаніемъ, и притомъ размѣщать всѣ виды одного глагола въ порядкѣ ихъ природнаго разрастанія изъ низшихъ степеней продолжительности въ высшія. Въ настоящее время у Даля слова, напр. *наносить*, *нанести*, *нанесены*, *наносъ*, *наноска*, *наносный* и др. объяснены у глагола *нанашивать*, а у этихъ же словъ на ихъ мѣстѣ въ алфавитѣ сказано вездѣ: см. *нанашивать*. По рекомендуемому же мною порядку всѣ эти слова будутъ показаны и объяснены при основномъ видѣ *нанести*, при которомъ тутъ же, въ красной строкѣ, будутъ приведены и другіе два его вида, въ порядкѣ ихъ развитія: *наносить*, *нанашивать*, а при послѣднихъ двухъ видахъ, равно и при всѣхъ произведенныхъ отъ всѣхъ трехъ видовъ словахъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ они должны находиться по требованію алфавита, можно сдѣлать ссылку на *нанести*. Для читателя, думаю, все равно, отсылаешь ли его отъ *нанести* къ *нанашивать* или наоборотъ. Такая реформа потребуетъ, правда, нѣкоторой ломки въ Словарѣ, но особеннаго труда она не представляетъ. Для примѣра я приведу здѣсь двѣ статьи вышеприведенныхъ глаголовъ *докатывать* и *взирать* въ той редакціи, въ какой онѣ изложены у меня въ составленномъ мною краткомъ «Словарѣ управляющихъ падежами частей рѣчи», въ которомъ вездѣ за начальный видъ принятъ видъ съ основнымъ окончаніемъ, а не съ расширеннымъ.

Докатить, св. (съ одного пріема) докачу, докатишь... *дока-*

та́ть, св. (въ нѣсколько пріемовъ)[1]) *докатывать*[1]), что. *Докатить*, *докатать* бревно, бочку до забора, до мѣста. *Докатать бѣлье*, кончить катанье на каткѣ.—Ср. *Зима катитъ уже съ сѣвера, скоро докатитъ и до насъ. Сѣлъ на лихача и давай катать, до 20-й версты докаталъ. Шаръ на билліардѣ докатился, докатывается до лузы. Докатались на конькахъ до противоположнаго берега озера*, катаясь дошли. (Докачать, докачивать, составляютъ уже особую статью).

(**Взрѣть,** св., во́зрю, во́зришь..., неупотребляется), **Взирать,** ср., на что. *На эти нѣжныя черты взираетъ витязь*, Пушк. Измаилъ-Бей, смотритъ. *Не взирая ни на какія препятствія.* **Взрѣться** (встрѣчается только съ личными окончаніями) во́зрюсь, во́зришься, во́зрится и т. д., прошедшее вр. — взрѣлся; **взираться** во что. *Но возряся въ пѣвца...* Крыловъ, Змѣя, всмотрѣвшись.

Примѣчаніе. Подъ вліяніемъ этихъ личныхъ формъ образовались новыя формы неопредѣленнаго наклоненія и прошедшаго времени: *во́зриться*, во́зрился (онъ прежде всего во́зрился въ учителя, Гонч. Обрывъ), *во́зрѣться* (возрѣлся онъ въ меня, Тург. Разсказъ о. Алексѣя), *воззриться* (... какъ сейчасъ воззрится и поманитъ... Остр. Горячее сердце) и даже **воззрѣться** (у Тург. гдѣ то). Всѣ онѣ неправильнаго образованія; правильны только формы **взрѣться, взрѣлся,** хотя ихъ рѣдко гдѣ можно встрѣтить[2]).

Конечно у меня все изложено кратко. Редакція же новаго Словаря, преслѣдующая болѣе широкія цѣли и не соблюдающая, какъ я, экономіи ни въ мѣстѣ, ни въ расходахъ, можетъ снабжать эти статьи болѣе подробными объясненіями.

---

1) При глаголахъ съ видовымъ окончаніемъ, спрягающихся всегда съ сохраненіемъ видового суффикса и по первому спряженію, послѣднее лишне указывать.

2) У Тургенева я встрѣтилъ также *взрѣлся*, но не помню гдѣ именно, кажется въ томъ-же Разсказѣ отца Алексѣя.

VI.

Расположеніе глагольныхъ видовъ въ порядкѣ ихъ возрастанія имѣетъ еще одно преимущество тѣмъ, что оно, не вовлекая читателя средней руки въ глубокія филологическія дебри, наглядно знакомитъ его со всѣми существующими расширеніями даннаго глагола, которыя вовсе не такъ однообразны, какъ съ перваго взгляда это можетъ показаться, и поэтому не всѣ всѣмъ извѣстны. Предупредительный Даль, сознавая всю важность потребности пополненія такого пробѣла въ прежнихъ словаряхъ, старался и въ этомъ отношеніи удовлетворить читателя и при каждомъ простомъ глаголѣ, т. е. при каждомъ основномъ видѣ безъ предлога, показываетъ онъ и другіе, расширенные его виды, и такъ какъ многіе глаголы переходятъ въ многократный видъ только для того, чтобы потомъ соединиться съ предлогомъ для обратнаго перехода въ видъ длительный или несовершенный, то онъ, Даль, приводитъ также при такомъ глаголѣ и всѣ не только встрѣчаемыя въ языкѣ, но и всѣ возможныя соединенія глагола съ разными приставками, какъ расширеннаго его вида, такъ и начальнаго, для образованія совершеннаго, и тутъ же при этихъ соединеніяхъ онъ приводитъ и такія видовыя формы, которыя, по ихъ неупотребляемости безъ предлога, въ красную строку войти не могутъ.

Сопровождая глагольныя статьи такими существенными аксессуарами, допуская такимъ образомъ образованія новыхъ формъ, не чуждыхъ духу языка, Даль этимъ самымъ какъ-бы косвенно подтверждаетъ — чуть ли не въ сотый разъ — жизненность языка, его безконечность, его неисчерпаемость, противъ чего Редакція новаго Академическаго Словаря будто собирается спорить. Вѣдь задавшись задачею зарегистрировать только наличные факты языка и не допуская правильнаго образованія въ случаѣ надобности никакихъ новыхъ словъ или глагольныхъ формъ, даже перваго лица единственнаго числа только потому

что сотрудникамъ ея до сихъ поръ не случалось ихъ гдѣ либо встрѣтить, — Редакція сама по себѣ предполагаетъ законченность языка, достиженіе имъ крайняго предѣла, дальше котораго онъ уже не пойдетъ! Но вѣдь это своего рода провозглашеніе застоя въ языкѣ и подведенія ему итога! Вѣдь это, наконецъ, парадоксъ! Нѣтъ, ужъ куда плодотворнѣе и цѣлесообразнѣе были бы всѣ хлопоты Академіи, если бы вмѣсто изданія своего новаго Словаря она взялась за исправленіе, дополненіе и очистку словаря Даля (много въ немъ и лишняго).

VII.

Резюмируя все вышесказанное, пишущій эти строки приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: что Академическій Словарь долженъ быть нѣчто больше, чѣмъ простая справочная книга; что онъ, кромѣ всесторонняго разъясненія значеній словъ, долженъ еще преслѣдовать и учебныя цѣли; что онъ, не вдаваясь въ филологическія разысканія, ни же въ грамматическія тонкости, все же обязанъ давать отвѣты не только на вопросы элементарной грамматики, какъ напр. о залогѣ, и спряженіи, но и на вопросы нѣсколько высшаго порядка: о разрастаніи глаголовъ — отвѣты, въ которыхъ нуждаются люди, основательно изучающіе языкъ, особенно иноязычные и иностранцы, привыкшіе въ такихъ случаяхъ доискиваться начала словъ и прослѣживать дальнѣйшее его развитіе. Въ этихъ видахъ Редакція Словаря, рѣшившая переиздать первый томъ, должна по моему крайнему разумѣнію:

1) принять корнесловный порядокъ расположенія словъ;

2) отказаться отъ воззрѣнія, что начальный видъ глагола — это всегда несовершенный, и при глаголахъ предложныхъ группировать всѣ отъ нихъ произведенныя слова у совершеннаго вида, т. е. у глагола съ основнымъ его окончаніемъ, а не съ видовымъ, и при немъ же, на постепенномъ переходѣ видовъ, показывать разрастаніе слова;

3) сохранить въ новомъ изданіи принятое въ первомъ томѣ правило вездѣ указывать залогъ, и спряженіе перваго лица единственнаго числа;

4) факты языка подвергать строгой критикѣ и въ необходимыхъ случаяхъ исправлять ихъ и даже отвергать, не щадя никакихъ авторитетовъ.

И. Х. Пахманъ.

Нѣсколько словъ по поводу записки И. Х. Пахмана.

Въ запискѣ г. Пахмана, которому Отдѣленіе русскаго языка и словесности обязано многими поправками и дополненіями на корректурныхъ листахъ Словаря русскаго языка, высказано нѣсколько общихъ замѣчаній относительно плана и задачи словаря.

I. Указавъ на обширный кругъ инородцевъ, изучающихъ русскій языкъ, и на необходимость сообразоваться въ Словарѣ Академіи съ тѣми требованіями, которыя могутъ предъявить ему хотя бы учителя изъ нѣмцевъ, евреевъ, армянъ и пр., г. Пахманъ сѣтуетъ на то, что въ 4-мъ выпускѣ Словаря, составляемаго Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ, урѣзаны и при томъ еще больше, чѣмъ въ предыдущихъ выпускахъ грамматическія указанія, обязательныя для всякаго словаря: «залоги глаголовъ никогда прямо не показываются, а иногда только косвенно; спряженія ихъ, гдѣ они сомнительны, вовсе умалчиваются, а гдѣ они всѣмъ извѣстны, какъ разъ отмѣчаются». Ниже мы подробнѣе остановимся на этихъ двухъ указанныхъ г. Пахманомъ недостаткахъ Словаря, а здѣсь отмѣтимъ, что Словарь Академіи дѣйствительно не можетъ удовлетворить лицъ, только что начинающихъ изученіе языка. Стремленіе сообразоваться съ требованіями школы до нельзя обосложнило бы составленіе Словаря и затруднило бы исполненіе главной и первой его задачи — зарегистрированія по возможности всѣхъ словъ русскаго языка съ указаніемъ ихъ значеній и степени распространенности.

II. Не находя удобнымъ принятое въ Словарѣ размѣщеніе словъ въ строго алфавитномъ порядкѣ (стр. 6), г. Пахманъ предлагаетъ вернуться къ порядку корнесловному, котораго держались Даль и раньше его Россійская Академія. Самъ авторъ записки считаетъ распредѣленіе «многихъ словъ по корнямъ — трудомъ неимовѣрнымъ и кропотливымъ», но полагаетъ, что начало въ этомъ направленіи уже сдѣлано, и бо́льшая половина задачи выполнена Далемъ. Но, вѣроятно, г. Пахманъ, отъ наблюдательности котораго не ускользнули ошибки въ словопроизводствѣ, допущенныя Далемъ, согласится съ тѣмъ, что еще не настало время для составленія корнесловнаго или этимологическаго словаря. Врядъ ли поэтому совмѣстимо съ серьезными требованіями, предъявляемыми къ Словарю Академіи, положить въ его основаніе нестрого выдержанное размѣщеніе словъ по корнямъ и предлагать въ немъ случайныя этимологіи. Между тѣмъ словопроизводственное распредѣленіе въ значительной степени затруднило бы пользованіе Словаремъ и врядъ ли уменьшило бы его объемъ. Для удобнѣйшаго отысканія словъ, вѣроятно, пришлось бы, по примѣру Россійской Академіи, приложить алфавитный указатель находящихся въ немъ подъ разными гнѣздами словъ. Безъ этого весьма трудно было бы отыскать въ Словарѣ иное слово, и напрасно г. Пахманъ, ссылаясь, впрочемъ, на личный опытъ, утверждаетъ, что въ Словарѣ Даля легко отыскать всякое слово. Укажемъ для примѣра слова забахму́риться или жайдака́нъ (они есть въ этомъ словарѣ).

III. Г. Пахманъ упрекаетъ редакцію Словаря за то, что она, отступивъ въ этомъ случаѣ отъ порядка, принятаго въ I томѣ Словаря, не отмѣчаетъ при глаголахъ залога. Отступленіе это вызвано твердымъ рѣшеніемъ Отдѣленія русскаго языка и словесности не давать въ Словарѣ того, что подлежитъ еще изслѣдованію и разработкѣ. Самъ авторъ записки указываетъ на отсутствіе въ ходячихъ учебникахъ «твердыхъ, разъ навсегда установленныхъ правилъ», по которымъ можно было бы опредѣлить значеніе залоговъ. Посмѣявшись надъ «авторитетнымъ»

заявленіемъ одного лица, посѣтившаго его училище, о томъ, что основныхъ залоговъ всего два — дѣйствительный и страдательный, самъ г. Пахманъ утверждаетъ, что залоговъ, въ самомъ дѣлѣ, только два, но не названные посѣтителемъ, а «дѣйствительный и средній; всѣ же прочіе такъ называемые залоги, образуемые будто частицею *ся* и причастными окончаніями, — не залоги, а только разныя формы дѣйствительнаго залога, отклоняющія дѣйствіе отъ прямого его перехода на другой предметъ и направляющія его то обратно на дѣйствователя, то отъ одного предмета на другой, то на предметъ рѣчи или вовсе не дающія дѣйствію никакого ходу». Во всякомъ случаѣ такое утвержденіе почтеннаго составителя записки находится въ совершенномъ противорѣчіи съ соображеніями извѣстнаго лингвиста проф. Фортунатова (нынѣ нашего сочлена по Академіи), который на запросъ, сдѣланный ему редакціей Словаря, насколько необходимо по его мнѣнію отличать въ Словарѣ залоги, отвѣчалъ обширнымъ письмомъ, печатаемымъ съ его разрѣшенія въ приложеніи къ этимъ замѣткамъ.

Изъ этого письма видно, что академикъ Фортунатовъ различаетъ въ глаголахъ два основныхъ залога — возвратный и невозвратный (но не дѣйствительный), при чемъ онъ не находитъ цѣлесообразнымъ указывать въ Словарѣ только эти два залога. Для выясненія значенія глагола, дѣйствительно, было бы желательно указывать на различныя значенія возвратнаго залога, но редакція не дѣлаетъ этого главнымъ образомъ въ виду того, что не рѣшается давать въ Словарѣ такихъ грамматическихъ указаній, которымъ должны были бы предшествовать длинныя разъясненія. Г. Пахманъ, весьма основательно изучившій русскій глаголъ, все таки затруднился бы разобраться въ тѣхъ оттѣнкахъ возвратнаго залога, которые предлагаетъ различать акад.

Фортунатовъ, если бы обозначеніе ихъ, безъ подробнаго объясненія, было введено въ Словарь. Обращаясь къ практической сторонѣ вопроса, редакція не находитъ необходимымъ указывать на залоги глаголовъ между прочимъ по тому, что значеніе глаголовъ опредѣляется тѣми синонимами, которые сопровождаютъ объясняемое слово. Важнѣе всего было бы давать указанія на переходное и непереходное значеніе глаголовъ, но приводимые при объясненіи примѣры, а также указаніе той конструкціи, которой требуетъ глаголъ, восполняютъ до нѣкоторой степени и этотъ недостатокъ. Въ виду нѣкоторыхъ соображеній, вызываемыхъ опредѣленіемъ различныхъ значеній нѣкоторыхъ глаголовъ, редакція приняла теперь за правило отмѣчать словомъ *страд.* страдательно-возвратное, — а словомъ *перех.* переходное значеніе глаголовъ. Такимъ образомъ требованіе г. Пахмана будетъ отчасти удовлетворено.

IV. Г. Пахманъ требуетъ обозначенія при каждомъ глаголѣ 1-го лица ед. ч. и упрекаетъ редакцію за то, что она дѣлаетъ это непослѣдовательно. Признавая упрекъ почтеннаго изслѣдователя вполнѣ справедливымъ, редакція въ свое оправданіе приводитъ твердое рѣшеніе Отдѣленія русскаго языка и словесности не прибѣгать къ сочинительству такихъ формъ, которыя не извѣстны ни ему, ни тѣмъ источникамъ, по которымъ составляется Словарь. Но и для школьныхъ или практическихъ потребностей врядъ ли можетъ понадобиться указаніе на то, что форма 1-го лица ед. ч. напр. глагола *еберзи́ть* будетъ *ебержу́*; глаголъ этотъ имѣетъ лишь областное употребленіе и значеніе его объяснено; приведеніе же формы *ебержу́*, которой нѣтъ въ извѣстныхъ Отдѣленію матеріалахъ, не оправдывалось бы ни научными, ни практическими соображеніями. Г. Пахманъ вполнѣ правъ, упрекая редакцію въ непослѣдовательности: не къ чему приводить и формъ 2 и 3 лл. тѣхъ рѣдкихъ глаголовъ, которые извѣстны по записямъ только въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія. Редакція съ благодарностью принимаетъ это указаніе автора записки.

V. Напрасно г. Пахманъ думаетъ, что редакція Словаря считаетъ основнымъ изъ всѣхъ глагольныхъ видовъ — видъ несовершенный. Онъ выводитъ это изъ того, что несовершенный видъ глагола приводится раньше совершеннаго его вида (напр. забира́ть — забра́ть). Вопросъ о взаимномъ отношеніи формъ обоихъ видовъ по ихъ образованію оставленъ редакціей совершенно въ сторонѣ, и принятый порядокъ вызванъ только практическими соображеніями о томъ, что лучше ставить впереди тотъ видъ глагола, который сохранилъ за наст. временемъ его первоначальное значеніе (забира́ю наст. вр., а заберу́ по большей части — будущ. вр.).

VI. Указанные выше пропуски и неточности Словаря затрудняютъ, по мнѣнію г. Пахмана, пользованіе имъ въ школѣ. Утверждая, что Отдѣленіе русск. яз. и сл. игнорируетъ такимъ образомъ научные интересы учащихъ не русской народности, призванныхъ трудиться въ низшихъ школахъ, составитель записки считаетъ это большою несправедливостью. Академія, говоритъ онъ, не должна отмалчиваться отъ рѣшенія грамматическихъ вопросовъ, и въ случаѣ запутанности какого-нибудь изъ нихъ, «она можетъ собственною властью пересѣчь его». Г. Пахманъ упускаетъ изъ виду, что главный и единственный авторитетъ въ языкѣ—это обычай, употребленіе. То, что вышло въ языкѣ изъ употребленія, какъ бы оно ни было правильно или согласно съ духомъ языка, не можетъ быть насильно вновь навязано; обратно, борьба съ узаконенною употребленіемъ неправильностью (пользуясь этимъ терминомъ вполнѣ условно) безплодна. Такъ несомнѣнно, что формы им. мн. м. р. на *а*, какъ города́, дома́, паруса́ и т. д., когда-нибудь въ древности рѣзали слухъ лицъ, привыкшихъ говорить по старинному: го́роды, до́мы, па́русы. Но теперь онѣ окончательно вытѣснили цѣлый рядъ старинныхъ образованій им. мн. на *ы*. Становясь на эту точку зрѣнія, неужели можно рѣшить, какъ напр. «правильнѣе» говорить: при́говоры или приговора́? Можно только утверждать, что форма «при́говоры» во многихъ нарѣчіяхъ, а также въ языкѣ образо-

ванныхъ классовъ «употребительнѣе» формы приговорá, весьма однако распространенной въ нѣкоторыхъ великорусскихъ нарѣчіяхъ. Въ виду такихъ соображеній, странно было бы вообще, если бы ученое учрежденіе вмѣсто того, чтобы показывать, какъ говорятъ, рѣшалось указывать, какъ надо говорить. Очевидно, что такое учрежденіе упразднило бы такимъ образомъ тѣ два авторитета, которые одни могутъ имѣть рѣшающее значеніе въ вопросахъ языка — это во 1-хъ, авторитетъ самого народа съ его безыскусственнымъ словоупотребленіемъ, во 2-хъ, авторитетъ писателей — представителей духовной и умственной жизни народа. Вотъ почему Академія должна дать въ Словарѣ отечественнаго языка по возможности полное описаніе существующаго словоупотребленія; ея Словарь долженъ содержать не плоды сочинительства и «научныхъ» соображеній о томъ, какъ слѣдуетъ говорить, а такой надежный матеріалъ, изъ котораго было бы видно, какъ говоритъ народъ въ различныхъ областяхъ Россіи, какъ выражаются современные писатели, въ какомъ значеніи употреблялись тѣ или другія слова писателями прежняго времени и т. д. Вполнѣ соглашаясь съ справедливостью многихъ упрековъ, сдѣланныхъ г. Пахманомъ Словарю, редакція не можетъ измѣнить своего основного взгляда на задачи Словаря и не рѣшается заговорить въ немъ авторитетнымъ языкомъ школьныхъ учебниковъ, предоставляя это практическимъ руководствамъ, для которыхъ собранный въ Академическомъ Словарѣ матеріалъ можетъ быть не безполезенъ.

А. Шахматовъ.

О залогахъ русскаго глагола.

(письмо Ф. Ѳ. Фортунатова).

Въ глаголахъ у насъ различаются двѣ формы залога: возвратный залогъ и невозвратный. Страдательнаго залога, какъ особой формы, которая отличалась бы отъ формы возвратнаго залога (имѣющей, между прочимъ, и страдат. значеніе), наши глаголы не имѣютъ (въ причастіяхъ есть страдат. залогъ); поэтому нѣтъ въ нашихъ глаголахъ и формы дѣйствит. залога, какъ нестрадательнаго. Обозначать въ Словарѣ невозвратный залогъ, конечно, нѣтъ надобности, такъ какъ это обозначеніе ничего не дало бы пользующемуся Словаремъ; невозвратный залогъ глагола опредѣляется изъ возвратнаго залога того-же глагола. При томъ-же, если въ Словарѣ будетъ обозначено различіе между переходными глаголами (глаголами съ дополненіемъ въ винит. пад.) и непереходными, то обозначеніе извѣстнаго глагола какъ переходнаго будетъ, значитъ, заключать въ себѣ и указаніе на то, что данный глаголъ имѣетъ форму невозвратн. залога, а различать переходные и непереходные глаголы, я думаю, необходимо въ Словарѣ, такъ какъ это различіе важно и въ синтактическомъ отношеніи и по отношенію къ формамъ залога: форма возвратнаго залога въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она вноситъ въ глаголъ новое значеніе (не усиливаетъ только извѣстную сторону въ значеніи глагола), образуется именно отъ глаголовъ переходныхъ. Глаголы такъ-называемые общіе (никакъ не общаго залога), т. е. имѣющіе образованіе только формы возвратнаго залога, нѣтъ надобности, я думаю, обозначать въ Словарѣ какъ «общіе»; и въ этомъ случаѣ такое обозначеніе не дало бы ничего пользующемуся Словаремъ, такъ какъ въ этихъ глаголахъ, по отсутствію въ нихъ невозвратной формы, вообще нѣтъ формы

залога. Форма возвратнаго залога имѣетъ у насъ, какъ извѣстно, нѣсколько различныхъ значеній (хотя всѣ они связаны между собою), и потому я находилъ бы желательнымъ, чтобы при глаголѣ въ возвратной формѣ было опредѣлено въ Словарѣ значеніе возвратной формы (или значенія возвратн. формы, если въ данномъ глаголѣ возвратная форма имѣетъ напр. два значенія). Наша форма возвратнаго залога представляетъ, по моему мнѣнію, слѣдующія различія въ значеніи:

А) Въ формѣ возвратн. залога отъ глаголовъ переходныхъ различаются: 1) значеніе возвратное, и при томъ прямое возвратное, отъ глаголовъ, обозначающихъ дѣйствія на внѣшнюю сторону объектовъ; слѣдовательно, глаголы въ возвратной формѣ съ такимъ значеніемъ, возвратнымъ, обозначаютъ дѣйствія, направляемыя на внѣшность (тѣло, части тѣла) лицъ рѣчи, являющихся производителями этихъ дѣйствій, напр. *умываться*, *одѣваться*, *мазаться*, *краситься*, *защищаться* и др. 2) Значеніе взаимное (взаимно-переходное), отъ глаголовъ, обозначающихъ въ возвратной формѣ взаимныя дѣйствія, т. е. такія, при которыхъ каждый изъ двухъ или нѣсколькихъ субъектовъ дѣйствія является вмѣстѣ съ тѣмъ объектомъ того-же дѣйствія, производимаго другимъ субъектомъ или другими субъектами, напр. *любиться*, *цѣловаться*, *грызться*. 3) Значеніе измѣненія, происходящаго въ состояніи самого субъекта признака, отъ глаголовъ, обозначающихъ въ невозвратной формѣ дѣйствія, производящія измѣненія въ состояніяхъ объектовъ; напр. *сердиться*, *томиться*, *радоваться*, *мириться*, *гнуться*, *вертѣться*, *кидаться*, *литься* и мн. др., между прочимъ и *садиться*, *становиться* въ ихъ соотношеніи съ *садить*, *становить*, между тѣмъ какъ *садиться*, *становиться* при *сѣсть*, *стать* въ соотношеніи съ *сидѣть*, *стоять* имѣютъ, понятно, другое значеніе, не связанное съ формою залога. 4) Значеніе дѣйствія, разсматриваемаго въ отвлеченіи отъ объектовъ, т. е. по отношенію лишь къ субъекту дѣйствія; напр. *кусаться*, *браниться*, *обѣщаться*, *проситься* (нѣкогда *молиться*) и др., между прочимъ и *послаться* въ при-

мѣрахъ изъ Ипат. лѣт. у Буслаева. 5) Значеніе страдательное; возвратная форма съ значеніемъ страдательнымъ не употребляется или является неудобною въ глаголахъ, имѣющихъ возвратную форму съ значеніями 2—4, а при возвратной формѣ съ возвратнымъ значеніемъ допускается и возвратная форма съ страдат. значеніемъ отъ того-же глагола, такъ какъ здѣсь различіе въ значеніи глагола, получающаго и ту и другую возвратную форму, опредѣляется изъ различія въ подлежащемъ къ глаголу.

Общее значеніе формы на *-ся*, образуемой отъ переходныхъ глаголовъ, состоитъ въ томъ, что она измѣняетъ значеніе переходнаго признака (дѣйствія въ его переходности) въ значеніе признака непереходнаго, т. е. такого, который заключаетъ въ себѣ отношеніе только къ предмету мысли, являющемуся субъектомъ этого признака. Слѣдовательно, форма на *-ся* отъ переходныхъ глаголовъ, называемая нами по ея происхожденію (засвидѣтельствованному образованіемъ) формою возвратнаго залога, представляетъ собою теперь по ея значенію непереходную форму глагола и можетъ быть опредѣляема именно какъ форма непереходнаго залога; формами залога называются въ грамматикѣ тѣ глагольныя формы, которыя обозначаютъ различія въ отношеніи признака, выражаемаго глагольною основою, къ его субъекту, а непереходность признака, обозначаемая формою на *-ся*, есть именно извѣстное отношеніе даннаго признака къ его субъекту. Поэтому форма безъ *-ся* переходныхъ глаголовъ, соотносительная съ формою непереходнаго залога, представляетъ собою форму переходнаго залога, а эта форма, какъ съ значеніемъ невозвратнаго залога, такъ и съ значеніемъ залога переходнаго, опредѣляется исключительно соотношеніемъ съ другою формою (на *-ся*), которая по значенію, принадлежащему ея образованію, является формою извѣстнаго залога.

Б) Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ глаголъ не переходный (не соединяющійся съ дополненіемъ въ винит. пад.) получаетъ образованіе формы возвратнаго (непереходнаго) залога, это обра-

зованіе усиливаетъ существующее уже въ глаголѣ значеніе непереходности признака, и потому въ этихъ случаяхъ форма возвратнаго (непереходнаго) залога не имѣетъ значенія залога. Сюда принадлежатъ образованія на *-ся* отъ глаголовъ на *-ньо, -нть*, обозначающихъ продолжающіяся состоянія, напр. въ *краснѣться* отъ *краснѣть* «быть, являться краснымъ» (но не отъ *краснѣть* «становиться краснымъ»), а глаголъ *старѣться* при *старѣть* явился, вѣроятно, по смѣшенію съ глаголомъ *стариться*; такое-же усилительное значеніе соединяется съ образованіемъ на *-ся*, напр. въ *хвастаться* отъ *хвастать* (значеніе непереходного дѣйствія). Къ случаямъ этого рода не принадлежатъ, однако, такіе глаголы, какъ напр. *стучаться*, *смотрѣться*: между *стучаться* «давать о себѣ знать стукомъ» и *стучать* или между *смотрѣться* «смотрѣть на свое отраженіе (въ зеркалѣ)» и *смотрѣть* существуетъ такое различіе въ значеніи, которое не опредѣляется изъ различія въ образованіи съ *-ся* и безъ *-ся* (не вносится образованіемъ съ *-ся*), и потому глаголы *стучаться*, *смотрѣться* и т. под. являются глаголами общими.

Глаголы, называемые общими, не заключаютъ въ образованіи съ *-ся* какой-либо отдѣльной формы, хотя при посредствѣ этого *-ся*, входящаго въ составъ образованія ихъ формъ, они связываются съ глаголами, имѣющими форму возвратнаго (непереходнаго) залога (съ значеніемъ залога и съ усилительнымъ значеніемъ), въ одномъ грамматическомъ (именно синтактическомъ) классѣ глаголовъ: присутствіемъ *-ся* въ образованіи формъ всѣ эти глаголы обозначаются какъ непереходные, т. е. какъ не сочетающіеся съ дополненіемъ въ винит. пад., и какъ соотносительные поэтому съ глаголами переходными, получающими дополненіе въ формѣ винит. пад. и обозначаемыми при посредствѣ этой падежной формы въ качествѣ глаголовъ съ переходнымъ значеніемъ (хотя, понятно, не всякій глаголъ съ переходнымъ значеніемъ является глаголомъ переходнымъ въ указанномъ смыслѣ этого термина; напр. *завидовать* представляетъ переходное значеніе (*завидовать кому*), но не принадлежитъ къ грам-

матическому классу переходныхъ глаголовъ, т. е. глаголъ *завидовать* не обозначенъ въ языкѣ какъ глаголъ съ переходнымъ значеніемъ). Непереходными глаголами являются всѣ глаголы на *-ся*, а въ этихъ глаголахъ различаются по различіямъ въ формѣ, образуемой при посредствѣ *-ся*, кромѣ глаголовъ возвратнаго (непереходнаго) залога и глаголовъ общихъ, также тѣ глаголы, въ которыхъ *-ся* входитъ въ составъ образованія формы безличности глагола, напр. въ *икается, спится, не лежится*; этою формою, измѣняющею личный глаголъ въ безличный, данный признакъ обозначается какъ производимый силою дѣйствія, въ отвлеченіи отъ субъекта. Что же касается тѣхъ глаголовъ, которые не принадлежатъ ни къ классу переходныхъ, ни къ классу непереходныхъ глаголовъ, то за ними могло бы быть оставлено условное названіе «средніе глаголы»; средніе глаголы въ этомъ смыслѣ не должны быть смѣшиваемы съ глаголами, имѣющими то значеніе, которое условно называютъ среднимъ.

Въ Словарѣ нѣтъ надобности, конечно, различать классы непереходныхъ и среднихъ глаголовъ, такъ какъ непереходные глаголы обозначаются присутствіемъ въ нихъ образованій на *-ся*, а средними глаголами являются всѣ глаголы безъ *-ся*, не принадлежащіе къ классу переходныхъ глаголовъ, который, какъ я замѣтилъ уже, желательно было бы видѣть отмѣченнымъ въ Словарѣ.

По поводу сказаннаго мною о такихъ безличныхъ глаголахъ какъ *икается*, *спится*, считаю не лишнимъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія, въ избѣжаніе недоразумѣній. Во-первыхъ, не всякій безличный глаголъ на *-ся* однороденъ по отношенію къ образованію на *-ся* съ такими глаголами, какъ *икается*, *спится*; напр. въ *смеркается* нѣтъ, понятно, никакой связи между образованіемъ на *-ся* и безличностью даннаго глагола, и *смеркается* есть глаголъ общій. Во-вторыхъ, по отношенію къ формѣ безличности на *-ся* надо замѣтить, что значеніе этой формы, указанное выше, сохраняется ясно въ тѣхъ безличныхъ глаголахъ, которые не

соединяются съ другимъ словомъ или съ цѣлымъ предложеніемъ, какъ съ прямымъ дополненіемъ по значенію, между тѣмъ какъ тамъ, гдѣ подобный глаголъ на *-ся* получаетъ такое дополненіе, мы подъ вліяніемъ господствующаго у насъ типа предложеній съ личнымъ глаголомъ, склонны понимать это дополненіе къ безличному глаголу какъ подлежащее или какъ разъясненіе къ подлежащему глагола какъ личнаго, при чемъ форма на *-ся* представляется намъ формою возвратнаго (непереходнаго) залога съ страдательнымъ значеніемъ. Напр. въ *думается* значеніе, внесенное формою на *-ся*, то-же, что напр. въ *спится*, но въ *думается, что...* мы можемъ соединять значенія отдѣльныхъ частей этого сложнаго предложенія такъ, что при этомъ придаточное предложеніе представляется намъ разъясняющимъ собою подлежащее къ глаголу *думается* какъ личному въ формѣ возвратнаго (непереходнаго) залога съ страдательнымъ значеніемъ; поэтому мы можемъ присоединять здѣсь къ *думается* грамматическое подлежащее *то*. Такая-же двусмысленность въ значеніи существуетъ напр. и въ *хочется сказать* или въ *хочется, чтобы...*